

О „СОЛДАТСКИХ ИДЕЯХ“

Недавно в Берлине был парад «Стальной каски» — «Штальгельма» — и председатель этой организации Зельдиг, фабрикант ликеров, сказал: «Когда штальгельм марширует — это возрождение германского солдатского духа. Солдатские идеи и солдатские дела вновь нашли себе понимание в Германии». Лет за тридцать до наших дней, в одной, не помню кем написанной биографии философа Фихте, было сказано: «Германия — страна философов, и в то время как во Франции адвокаты делают политику, в Германии — философы владеют духом нации». Но вот мы видим, что в Германии начали делать политику фабриканты ликеров. Это, разумеется, не вчера началось и хотя это — скверно, однако вполне естественно в государстве капиталистов. Но все же фабриканты ликеров едва ли можно признать философом. Известно, что буржуазный философ — любитель мудрости, рассуждающий в целях «объяснить мир» или объяснить технику мышления о мире. Это — его профессия, и с точки зрения людей живого дела, преобразующего мир, философа буржуазного — не обижая его — можно назвать «бездельником». Фабрикант ликеров — не философ, но тоже человек дела — «солдатского дела».

Легко представить себе, что такое «солдатские дела» — кровавые ужасы этих «дел» 1914—18 г.г. еще не совсем забыты, как это ясно по настроению широких масс, отраженному антивоенным конгрессом в Амстердаме. Не забыты и ужасы подлой европейской интервенции в Союз Советов. Недавно о солдатских «делах» напоминало нам разрушение японцами Чапея. Вообще о «солдатских делах» нам напоминают почти непрерывно.

Но — что такое «солдатские идеи»? Несколько известно, история философии не отмечает существований такового и есть полная возможность утверждать, что «солдатские идеи» вообще — невозможны, ибо всюду и всегда солдата учили «не рассуждать», а если он все-таки рассуждал, — его за это наказывали.

Воспитание солдат царской армии было целиком заимствовано из Германии. Солдат был лишен права отвечать на вопросы своего командира простыми честными «не знаю», он должен был отвечать словами: «я не могу знать». Этими словами солдата заставляли отказываться от его способности и права знать все то, что хотя немного выхо-

дило за пределы «Воинского устава» — одного из наиболее мерзких документов, созданного буржуазной цивилиза-

цией. Надев на человека солдатский мундир, человеку внушали, что он не только недостоин и не должен знать, но по своей «природе солдата» не может знать, лишен умения знать все, что за пределами законов его службы. Солдат буржуазных армий, это — человек которого обольщивает его классовый враг для того, чтоб укрепить свою власть над ним — крестьянином, рабочим. Солдат европейских армий, это — человек, живущий в плену своих врагов, загипнотизированный ими, работающий на них за нищенскую плату и плохой кусок хлеба. В то же время солдат — люди, отцы, матери, братья и сестры которых работают и платят огромные налоги для того, чтоб одеть, вооружить и кормить своих детей и братьев в продолжение их службы в армии. А когда отцам и братьям становится так тяжело жить, что они «бунтуют» против исконных классовых врагов своих, солдаты обязаны стрелять в «бунтовщиков». Они и стреляют, — так глубока степень идиотизма, до которого обольщивали их капиталисты.

Более полугодом приказчики капиталистов болтали в Женеве о разоружении. Солдаты европейских армий остались глухи и немые в этой болтовне, а они могли бы превратить ее в серьезное дело. Они могли бы сказать кое-что очень веское по поводу все более растущих трат на вооружения, по поводу бессмысленной траты металла на пушки и танки, по поводу новой, закупаемой капиталистами всемирной войны, которая потребует превращения миллионов живых, здоровых людей в трупы, потребует создания миллионов инвалидов. Но солдата делают человеком, который не может знать и не рассуждает. Фабрикант ликеров — врет: у рядовых солдат никаких «солдатских идей» не имеется. Но так как в армиях империалистов немало пролетариев, то, разумеется, пролетарии и в казармах делают свое, пролетарское, исторически необходимое дело, и солдаты буржуазии начинают рассуждать.

В мире есть только одна армия, бойцы которой имеют право и обязаны рассуждать, это — Красная, наша армия. Ее боец не говорит: «не могу знать», он имеет право и должен знать все или как можно больше. И он знает главное — кто и где его враг, знает,

что этот враг — собственник и хочет жить чужим трудом, жить только для себя, хищнической жизнью паука. Боец Красной армии — гражданин своей страны, хозяин, страж ее и строитель ее будущего.

На вопрос: «из какого класса больше всего рекрутируются члены «Стальной каски»? мне ответили: «Это главным образом дети убитых на войне 1914—18 г.г., эти мстители за отцов своих и за поруганное отечество». Во Франции тоже, конечно, очень много таких детей, и правительства всех стран, участники общеевропейской войны, воспитывают «мстителей», чтоб ударить их лбами друг о друга. Насукавивая «сирот» войны на таких же сирот, прихвостни капитала, продажные души, мошенники печати и разбойники пера скрывают от молодежи простую, ясную правду, в убийстве виновна не столько рука физического убийцы, как гнусная голова подстрекателя к убийству. Никто не решится отрицать очевидное: подстрекатель, это — капиталист, идолопоклонник частной собственности, существо, изуродованное ненавистной жадностью, завистью, бессмысленной страстью к накоплению денег и вещей, существо человекоподобное, но все более теряющее даже и физическое сходство с нормальным человеком.

«Сироты войны», «мстители за отцов» играют роль оловянных солдатиков в руках дегенеративного и злого мальчишки, — пресыщенный игрушкой, он находит удовольствие отрубать головы и ноги оловянным солдатам. Различие между оловянным солдатиком и «мстителем» только в том, что раньше, чем оторвать голову «мстителю», ее набивают ядовитой чепухой. Его заставляют верить, что существует нечто, именуемое отечеством, и он должен защищать это отечество, которое целиком находится в руках безответственных и бесчеловечных хищников, фабрикантов пушек, ликеров и прочих «культурных» ценностей. Анархической эксплуатацией физической энергии рабочего класса довели европейские «отечества» до ужасов массовой безработицы и голода, который, конечно, разрушает здоровье трудового народа — здоровье «нации». Безработица создает такие эффекты: за один день, 10 августа, в Берлине пожарная команда вызывалась 15 раз для оказания помощи самоубийцам, отравившимся светильным газом. Сюда, однако, не входят самоубийцы-утопленники, самоубийцы, прибегающие к веревке, револь-

веру и выбросившиеся из окон. Общая причина этих самоубийств — безработица.

«Это не так много для Берлина» — сказал один из интеллигентов, оболваненных капитализмом, один из тех людей, которые хорошо видят и понимают, что хозяин их глуп, пошл, бесчеловечен, но — он «человек со средствами», и поэтому приходится работать на него. Работать против него вместе с передовой интернациональной партией рабочего класса у оболваненного интеллигента не хватает смелости, хотя он должен бы видеть, что история уже поставила пред ним суровый вопрос о праве быть болваном. В законах почти всех буржуазных стран существует статья, не помню ее подлинный текст, а смысл такой: человек, который, присутствуя при акте преступления, не окажет помощи жертве, считается соучастником преступника. Я понимаю, что в наши дни навьюно говорить о законности в капиталистическом обществе, хотя, кажется, что в случаях, когда жертвой преступления является буржуа, эту статью буржуазия все-таки применяет. Но, разумеется, она никогда не применялась в случаях преступлений против рабочей массы, против трудового народа. В наши дни рабочий класс, объект и жертва преступных деяний капиталиста, всюду во всем мире поднимает голову, начинает чувствовать, что именно ему принадлежит право законодательствовать и судить. Он, конечно, сохранит в памяти своей поразительные факты преступного равнодушия зрителей индустриальных беззаконий, творимых капиталистами. В свое время он вспомнит, что когда он безработный, издыхал с голода — из пшеницы и кофе, смешанных со смолой, делали брикеты для топлива. Он вспомнит, что фашисты Англии панимались добровольцами в армию Боливии и Парагвая и что боливийский консул в Лондоне рассчитывал купить 10 тыс. таких наемных убийц. Он, судья всех судей, вспомнит многое, мимо чего равнодушно проходят люди, оболваненные капитализмом, люди, которым не противно жить в хаосе невероятных преступлений. Каковы эти люди и что они сами думают о себе? Мне кажется, что их довольно правильно охарактеризовал герой одного из современных английских романов, он говорит:

«Мне кажется, что жизнь требует столько внимания, столько напряженной заботы о том, чтобы прожить прилично, что и жить-то неохота. Я говорю, конечно, о жизни так называемой цивилизованной, а не о жизни на отставке Фиджи или в стране зулусов. У нас все в жизни так предусмотрено, предусмотрено, осознано, требуется столько тщательного обдумывания и гарантий, что, по-настоящему, мы никогда просто и легко не живем, не говоря уже о радости бытия, которая нам недоступна. Мы как будто все

время ходим по канату и радуемся только, когда можем сказать себе: «Ну, этот кусок пройден благополучно». Если вы решили ни о чем не думать и любить наслаждение, — тогда очень скоро является пресыщение, и все утрачивает для нас интерес; но если вы стараетесь избежать пресыщения, это от вас требует таких усилий, что наслаждаться жизнью вы уже не в состоянии. Если вы лязвете по течению, это кончается катастрофой, а если пытаетесь править своим суденышком, вам приходится все время напряженно работать. Беда в том, что жизни нельзя доверять — все время надобно за ней следить, подправлять и подштопывать. Так что единственная радость, какую она может нам дать, похожа на то удовольствие, какое испытывают некоторые, возясь с радио или граммофоном. Пока вы меняете волны и диски, радио работает, но и только. Вы не можете просто сложить руки и слушать музыку».

Вот цель жизни: сложить руки и равнодушно наблюдать вихри и бури жизни, не принимая в ней никакого участия. Разумеется, далеко не вся масса европейских интеллигентов дожила до такой степени сознания своего бессилия, до такого холодного отчаяния. Но очень примечательно, что именно в Англии явилось такое унылое сознание духовной нищеты, в Англии Киплинга, поэта империализма.

Отметив этот факт и отметив, что это настроение разрастается как плесень и гниль, по всей Европе, перекинулось и в низколобую Америку Севера, перейдем снова к «солдатским идеям». Выше сказано, что у солдат нет «солдатских идей», и мне думается, что прошло время, когда эти идеи можно было глубоко, как гвозди в дерево, вбивать в мозги европейских армий. Но солдатские идеи, несомненно, существуют и в наши дни усиленно пропагандируются в форме фашизма. Это — не новые идеи, истоки их можно проследить в книгах немецких писателей, например, у знаменитого историка Генриха Трейчке, а философско-художественное оформление этих идей дал Фридрих Ницше в его образе «белокурой бестии». Проводником этих идей является Бенито Муссолини. В статье, написанной им для «Итальянской энциклопедии», он пользуется всеми установками душевнобольного Ницше, его проповедью «любви к дальнему», презрительно отрицает идею братства народов и социального равенства человеческих единиц, отрицает, конечно, и права большинства на власть. Империализм, подгнетом которого погибают миллионы народа. Муссолини приветствует и восхваляет войну, как высшее выражение всех человеческих способностей, — об этом раньше него кричал «футурист» Маринетти и это маниакальная идея военных писателей

Война, по их мнению, делает людей «более благородными», с чем едва ли согласятся побежденные на войне. Никто и никогда не слышал, чтобы побежденный сказал победителю с восторгом или с удивлением: ах, как ты меня благородно изувечил и ограбил! В 1914—15 гг. бельгийцы и французы ни слова не сказали о «благородстве» победителей-немцев, наоборот, побежденные кричали «о свирепости тевтонов», приписывали им зверскую кровожадность и другие качества, резко противоположные понятию о «благородстве». Побежденные и ограбленные немцы тоже ничего не говорили и все еще не говорят о благородстве и великодушии победителей. Было бы весьма и даже слишком оригинально назвать благородными такие действия интервентов в России, как, напр., расстрел англичанами 26 бакинских комиссаров, кражу чехами золотого запаса в Казани или сожжение французами и греками, в день их эвакуации из Херсона, двух тысяч мирных обывателей, которых благородные войны заперли в амбарах пристани и подожгли. Решительно ничего не говорит о «благородстве» военных генералов Гревс, командовавший в Сибири отрядом американских интервентов. Можно еще упомянуть в грабеже немцев на Украине, можно упомянуть многое, чем «культурная» Европа опозорила себя.

Не согласятся с мнением военных и фашистов о «благородстве» войны и те сотни тысяч «победителей», которых война сделала инвалидами и которых победители, морально изувеченные, ныне принуждены избивать и разгонять, как это было в Вашингтоне с армией «бонуса». Не согласятся с фашистами и те миллионы побежденных и победителей, которые теперь лишены права работать и умирают с голода. Фашизм Италии мечтает о власти Рима над миром. Гитлер проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством». В Японии есть человек, который утверждает, что скоро вся белая раса окажется во власти желтой буржуазии. Империалисты Франции хотели бы спрятать в свой карман всю Европу — и нет слов, чтобы выразить, до чего все это нищенски гнушно, как это бессмысленно и противно, Муссолини находит, что никогда еще «народы» не жаждали так страстно сильной власти. Весьма вероятно, что буржуазия еще успеет посадить кое-где на престолы дурачков в коронах набекрень и со связанными мозгами под черепом. Посадить, конечно, ненадолго. Все это — судороги одиночащего, издыхающего класса, все это — бред и агония смертельно больного. Художники слова, изображая умирающих, часто заставляют их вспоминать прошлое, картины детства и юности. Именно это прошлое мерещится сейчас больной буржуазии всего мира, а европейская буржуазия

вспоминает себя в конце XVIII века, когда она боролась под лозунгом свободы, братства, равенства, и вспоминает эту борьбу, кажется, уже как чуждую ошибку своей юности. А если бы можно было перестроить на феодальный лад! Вот к чему сводятся основные «солдатские идеи» фашизма. В совершенно обнаженном виде современное настроение буржуазии, недавно с наивным цинизмом диким высказал в газете Гитлера «Фольксшер беобахтер» некто Альфред Ризенберг по поводу приговора над пятью фашистами, которые замучили и убили коммуниста в Брейтине. Убийство было совершено так садически отвратительно, что даже буржуазный суд приговорил убийц к смерти. Ризенберг говорит: «Приговор обнажил глубокую бездну между нашим мышлением и либерализмом Господствующее либеральное право утверждает: человек равен человеку. Это пр-

знается и в Америке. Но—там между белыми и цветными существует непроходимая преграда. Черный не только не имеет права жениться на белой, но даже лишен права ехать в одном вагоне с белыми. Негр, изнасилованный белой, линчуется. Это, конечно «нехорошо», но это необходимо для защиты белой расы. В начале мировой войны французский пацифист Жорж Клемансо был убит—суд оправдал убийцу, виновник покушения на Клемансо был казнен—в обоих случаях Франция действовала согласно своим жизненным интересам. Пять осуждены на смерть за то, что они убили поляка, который к тому же был большевиком,—приговор суда противоречит элементарному чувству самозащиты нации. Мы видели наступление на мировоззрение либералов так же, как и на марксистов. Для нас душа не равна душе, человек не равен человеку. Наша цель—сделать немецкий человек. Только неприятие ведание неравенства дает Германии по-

литическую свободу».

Под влиянием такого бреда приговор суда над убийцами смягчен и, кажется, намерены совсем отменить приговор. Вот этот бред и есть основное содержание фашизма. Совершенно ясно, что Европой ее трудовым народом правят люди обезумевшие и что не преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить. Для того, чтобы дожить до этого бреда, необходимо было «пережить» или «сизжить» Гете и Канта, Шиллера и Фихте и еще добрую сотню крупнейших мыслителей поэтов, творцов музыки, живописи. Культура буржуазии остается неприкосновенной в библиотеках и музеях, именно—неприкосновенной. А быт буржуазии становится все более грязным, диким, пошлым, вечною. Миром за пределами Советов командуют сумасшедшие.